Western European Journal of Linguistics and Education
Volume 4, Issue 11, November 2026
https://westerneuropeanstudies.com/index.php/2
ISSN (E): 2942-190X Open Access| Peer Reviewed
This article/work is licensed under CC Attribution-Non-Commercial 4.0

THE BUSINESSMAN TYPE AND THE THEME OF MONEY IN SHERWOOD ANDERSON'S STORIES

Kristina Eduardovna Kityan,

Independent Researcher at the Uzbekistan State World Languages University

E-mail: akristina1979@gmail.com

Abstract: The article examines the artistic typology of the man of business in Sherwood Anderson's Winesburg, Ohio (1919) and the functions of the money motif in its poetics. Drawing on "Godliness", "Terror", "Queer", "Mother", "Death" and "A Man of Ideas", the study distinguishes four variants of the type: the acquisitive patriarch, the shopkeeper who cannot trade, the imitator of success and the corporate employee. It is shown that in Anderson money is almost never a simple means of satisfying needs; it becomes a sign of election, a source of fear, a mask of social status or a walled-up possibility. Episodes involving money coincide with the turning points of the plot, so the economic motif is compositional rather than merely contextual. The author concludes that Anderson depicts not so much greed as the mismatch between a person's economic role and his inner life.

Keywords: Sherwood Anderson, Winesburg, Ohio, businessman type, money motif, Protestant ethic, success myth, industrialization, short story cycle

ТИП БИЗНЕСМЕНА И ТЕМА ДЕНЕГ В РАССКАЗАХ Ш. АНДЕРСОНА

Китьян Кристина Эдуардовна,

независимый исследователь Узбекского государственного университета мировых языков

E-mail: akristina1979@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается художественная типология делового человека в книге рассказов Ш. Андерсона «Уайнсбург, Огайо» (1919) и функции денежного мотива в её поэтике. На материале новелл «Благочестие», «Ужас», «Чудак», «Мать», «Смерть» и «Человек идей» выделены четыре разновидности типа: патриарх-накопитель, лавочник, не умеющий торговать, имитатор успеха и служащий корпорации. Показано, что у Андерсона деньги почти никогда не выступают простым средством удовлетворения потребностей: они становятся знаком избранности,

Western European Journal of Linguistics and Education
Volume 4, Issue 11, November 2026
https://westerneuropeanstudies.com/index.php/2
ISSN (E): 2942-190X Open Access| Peer Reviewed
This article/work is licensed under CC Attribution-Non-Commercial 4.0

источником страха, маской социального статуса или замурованной возможностью. Эпизоды, связанные с деньгами, совпадают с поворотными точками сюжета, поэтому экономический мотив оказывается композиционным, а не фоновым. Сделан вывод, что Андерсон изображает не столько алчность, сколько несовпадение экономической роли человека с его внутренней жизнью.

Ключевые слова: Ш. Андерсон, «Уайнсбург, Огайо», тип бизнесмена, денежный мотив, протестантская этика, миф успеха, индустриализация, новеллистический цикл

SH. ANDERSON HIKOYALARIDA BIZNESMEN TIPI VA PUL MAVZUSI

Annotatsiya: Maqolada Sh. Andersonning “Uaynsburg, Ogayo” (1919) hikoyalar kitobida ishbilarmon odamning badiiy tipologiyasi hamda pul motivining poetik vazifalari tahlil qilinadi. “Taqvodorlik”, “Dahshat”, “G‘alati”, “Ona”, “O‘lim” va “G‘oyalar odami” novellalari asosida tipning to‘rt ko‘rinishi ajratiladi: mol-mulk to‘plovchi patriarx, savdo qila olmaydigan do‘kondor, muvaffaqiyat taqlidchisi va korporatsiya xizmatchisi. Andersonda pul deyarli hech qachon oddiy ehtiyoj vositasi bo‘lmasligi, balki tanlanganlik belgisi, qo‘rquv manbai, ijtimoiy maqom niqobi yoki devorga berkitilgan imkoniyatga aylanishi ko‘rsatiladi. Pul bilan bog‘liq epizodlar syujetning burilish nuqtalariga to‘g‘ri keladi, shu sababli iqtisodiy motiv fon emas, kompozitsion vazifa bajaradi.

Kalit so‘zlar: Sh. Anderson, “Uaynsburg, Ogayo”, biznesmen tipi, pul motivi, protestant axloqi, muvaffaqiyat mifi, industrializatsiya, novellalar sikli

Введение: Шервуд Андерсон пришёл в литературу из делового мира. До 1912 года он руководил небольшой фирмой по производству красок в Элирии (штат Огайо), а его уход из конторы стал позднее одним из самых известных эпизодов американской литературной биографии [4]. Этот факт часто приводится как биографический анекдот, однако для понимания книги «Уайнсбург, Огайо» он значим и в другом отношении: автор знал коммерческую жизнь изнутри и описывал её не как моралист, наблюдающий за чужим пороком, а как человек, сам испытавший давление роли «делового человека». Между тем критика традиционно читает «Уайнсбург» как книгу об одиночестве и «гротесках», а экономические обстоятельства героев рассматривает как бытовой фон. В результате остаётся без ответа вопрос о том, существует ли в цикле устойчивый тип бизнесмена и какую работу выполняет в нём денежный мотив.

Цель статьи – выявить разновидности типа делового человека в «Уайнсбурге, Огайо» и определить функции мотива денег в сюжете и композиции новелл. Для этого решаются следующие задачи: соотнести образы с историческими моделями американской идеологии успеха; проследить, как изменяется отношение героя к собственности при переходе от аграрного уклада к торговому и корпоративному; установить, в каких сюжетных позициях появляются деньги и что они значат для персонажа. Научная новизна работы состоит в том, что деловые персонажи цикла впервые рассматриваются как система, внутри которой отражена историческая последовательность форм хозяйственной жизни Среднего Запада, а денежный мотив описан как композиционный элемент.

Western European Journal of Linguistics and Education
Volume 4, Issue 11, November 2026
https://westerneuropeanstudies.com/index.php/2
ISSN (E): 2942-190X Open Access| Peer Reviewed
This article/work is licensed under CC Attribution-Non-Commercial 4.0

Анализ литературы: Теоретической опорой исследования служит концепция М. Вебера, согласно которой аскетическое протестантское отношение к труду и приобретению сделало хозяйственный успех знаком избранности, а затем, утратив религиозный корень, оставило после себя самодовлеющий «дух» накопления [1]. Для литературного анализа важна именно вторая часть этого тезиса: Вебер описывает процесс, в котором религиозная мотивация не исчезает сразу, а постепенно вытесняется утилитарной. Дж. Кавелти показал, что американская идеология «человека, сделавшего себя самого» существовала в нескольких версиях – от пуританского учения о призвании и франклиновской «экономической добродетели» до культа успеха конца XIX века, в котором богатство само по себе становилось доказательством нравственной состоятельности [2]. А. Трахтенберг описал последние десятилетия XIX века как время «инкорпорации» Америки, когда промышленный капитал и корпоративные формы организации подчинили себе не только экономику, но и культуру, а сельская глубинка оказалась в зависимости от города, железной дороги и крупной компании [3].

Применительно к творчеству Андерсона И. Хоу связывает его критику индустриальной цивилизации с личным опытом разрыва с бизнесом и тем самым позволяет читать деловых персонажей писателя не как сатирические маски, а как отражение пережитого им самим конфликта [4]. В российском литературоведении С.М. Пинаев рассматривает отчуждение в творчестве Андерсона как психологическое явление и указывает, что ценности успеха вместе с пуританской сдержанностью ожесточают внутренний мир героев, а отношения между людьми становятся функциональными [5]. Названные работы создают необходимый контекст, однако в них деловые персонажи «Уайнсбурга» не выделены в особую группу, и функции денежного мотива внутри цикла специально не исследовались. Этот пробел и определяет постановку задачи настоящей статьи.

Методология исследования: В работе использованы историко-литературный, типологический и мотивный методы, а также приём медленного чтения. Концепции М. Вебера и Дж. Кавелти применяются не как готовая схема, а как система координат, позволяющая установить, какую историческую модель отношения к деньгам воспроизводит или опровергает персонаж. Материалом послужили новеллы «Благочестие» (“Godliness”, части I–II), «Ужас» (“Terror”), «Чудак» (“Queer”), «Мать» (“Mother”), «Смерть» (“Death”) и «Человек идей» (“A Man of Ideas”) по первому изданию книги [6]. Для каждого текста фиксировались: социально-экономическая роль героя, его представление о собственном успехе, эпизоды, в которых появляются деньги или сделки, и позиция этих эпизодов в композиции (экспозиция, кульминация, финал). Цитаты приводятся на языке оригинала с переводом автора статьи.

Анализ и результаты: Наиболее сложный вариант типа представлен в истории Джесси Бентли, которую условно можно назвать линией патриарха-накопителя. В первой части «Благочестия» стремление к земле прямо выводится из религиозного самосознания героя: “He grew avaricious and was impatient that the farm contained only six hundred acres” [6] – «Он сделался алчным, и его раздражало, что на ферме всего шестьсот акров» (перевод наш). Несколькими абзацами ниже мысль получает почти богословскую формулировку: “Jesse thought that as the true servant of God the entire

Western European Journal of Linguistics and Education
Volume 4, Issue 11, November 2026
https://westerneuropeanstudies.com/index.php/2
ISSN (E): 2942-190X Open Access| Peer Reviewed
This article/work is licensed under CC Attribution-Non-Commercial 4.0

stretch of country through which he had walked should have come into his possession" [6] – «Джесси думал, что ему, истинному слуге Божьему, должна была бы принадлежать вся та местность, по которой он прошёл» (перевод наш). Здесь веберовская связь веры и приобретения доведена до предела, но и смещена: Джесси мыслит себя не протестантским аскетом, а ветхозаветным владельцем стад и земель. Собственность для него – не результат расчётливого труда, а территория, обещанная избраннику.

Во второй части повествования та же энергия меняет направление. Рассказчик сообщает, что Джесси начинает читать газеты и журналы, покупает машины и изобретает станок для изготовления проволочной изгороди, а затем формулирует перемену прямо: "The greedy thing in him wanted to make money faster than it could be made by tilling the land" [6] – «То жадное, что было в нём, хотело добывать деньги быстрее, чем их можно добыть, возделывая землю» (перевод наш). Показательно, что алчность названа неопределённым "the greedy thing": она отделена от личности и живёт в ней как посторонняя сила. В беседе с зятем-банкиром Джесси произносит слова, звучащие как формула эпохи: "Big things are going to be done in the country and there will be more money to be made than I ever dreamed of" [6] – «В стране будут делаться большие дела, и денег можно будет заработать больше, чем мне когда-либо снилось» (перевод наш). Итог этой эволюции рассказчик подводит в обобщении: мысли героя прикованы "on fortunes to be made almost without effort by shrewd men who bought and sold" [6] – «к состояниям, которые почти без усилий наживают ловкие люди, покупающие и продающие» (перевод наш). Переход от земли к купле-продаже точно соответствует тому сдвигу, который А. Трахтенберг называет «инкорпорацией» Америки [3]: ценность смещается от производства к обращению капитала.

В этом же фрагменте звучит редкое для Андерсона прямое авторское суждение – о наступлении "the most materialistic age in the history of the world, when wars would be fought without patriotism, when men would forget God and only pay attention to moral standards" [6] – «самой материалистической эпохи в истории мира, когда войны будут вестись без патриотизма, когда люди забудут Бога и будут обращать внимание лишь на моральные нормы» (перевод наш). Важна последняя оговорка: мораль, отделённая от веры, у Андерсона не противостоит материализму, а входит в его состав. Это почти буквально совпадает с веберовским описанием того, как религиозное содержание выветривается, оставляя после себя лишь внешнюю дисциплину [1].

Новелла «Ужас», завершающая историю Бентли, показывает, что вытесненная религиозность не исчезает, а возвращается в искажённом виде. Экспозиция строится как отчёт об удачной сделке: Джесси осушает болото, засевает его капустой и луком и получает урожай, который продаётся по высоким ценам: "In the one year Jesse made enough money to pay for all the cost of preparing the land and had a surplus that enabled him to buy two more farms" [6] – «За один год Джесси заработал достаточно, чтобы окупить все расходы на подготовку земли, и у него остался излишек, на который он купил ещё две фермы» (перевод наш). Сразу после этого прибыль осмысляется как знак свыше: "I have been given these abundant crops and God has also sent me a boy who is called David" [6] – «Мне даны эти обильные урожаи, и Бог послал мне также мальчика по имени Давид» (перевод наш). Урожай и внук поставлены в один ряд как свидетельства благоволения, и именно эта логика приводит героя к замыслу жертвоприношения,

Western European Journal of Linguistics and Education
Volume 4, Issue 11, November 2026
https://westerneuropeanstudies.com/index.php/2
ISSN (E): 2942-190X Open Access| Peer Reviewed
This article/work is licensed under CC Attribution-Non-Commercial 4.0

которое заканчивается бегством Давида. Композиционно денежный успех предшествует катастрофе и запускает её: империя, построенная ради наследника, остаётся без наследника. Тип патриарха-накопителя, таким образом, у Андерсона трагичен не потому, что жаден, а потому, что смешивает доход с откровением.

Противоположный полюс образует Эбенизер Коули из новеллы «Чудак» – фермер, продавший землю, чтобы стать торговцем. Андерсон сразу снимает с его истории привычную тему нужды: “His troubles were not financial” [6] – «Его беды были не денежного свойства» (перевод наш). Несчастье Коули в другом: перед каждым коммивояжёром он испытывает двойной страх – “first that he would stubbornly refuse to buy and thus lose the opportunity to sell again; second that he would not be stubborn enough and would in a moment of weakness buy what could not be sold” [6] – «во-первых, что он упрямо откажется покупать и упустит возможность снова продать; во-вторых, что окажется недостаточно упрям и в минуту слабости купит то, что продать нельзя» (перевод наш). Симметричное построение фразы передаёт паралич воли: рыночное решение превращается для героя в моральную дилемму без выхода. Лавка, о которой в городе говорят, что в ней продаётся «всё и ничего», становится пространственным образом этой нерешительности.

Речь коммивояжёра в той же сцене представляет собой концентрат риторики успеха, описанной Дж. Кавелти [2]: “you are the man to make money out of the change that is coming” [6] – «вы как раз тот человек, который заработает на грядущих переменах» (перевод наш), а затем следует ссылка на мнение знакомого: «“He’s a live one”» – «Он человек живой, хваткий» (перевод наш). Торговец получает лесть вместо товара, и вся сцена строится на разрыве между языком предприимчивости и реальной беспомощностью героя. Сын Коули, Элмер, отвечает на эту риторику истерическим выкриком, в котором звучит пародийно точная коммерческая формула: “We ain’t going to buy any more stuff until we begin to sell” [6] – «Мы больше не будем ничего покупать, пока не начнём продавать» (перевод наш). Для Элмера неудача в торговле тождественна социальному клейму «чудаков», и деньги в финале новеллы становятся орудием разрыва: юноша тайком берёт двадцать долларов из суммы, оставшейся от продажи фермы, а перед бегством из города отдаёт их со словами “Give them to father. I stole them” [6] – «Отдай их отцу. Я их украл» (перевод наш). Деньги, вырученные за землю, не превратились в капитал, а возвращаются как улика – знак того, что переход семьи от аграрного уклада к торговому не состоялся. Наблюдение С.М. Пинаева о функциональности отношений [5] здесь получает конкретное воплощение: отец и сын способны говорить друг с другом только через товар и деньги.

Третий вариант – имитатор успеха – представлен Томом Уиллардом, владельцем гостиницы в новелле «Мать». Андерсон определяет его через парадокс: “He had always thought of himself as a successful man, although nothing he had ever done had turned out successfully” [6] – «Он всегда считал себя преуспевающим человеком, хотя ничто из того, что он делал, не завершилось успешно» (перевод наш). При этом гостиница “was unprofitable and forever on the edge of failure” [6] – «была убыточной и вечно находилась на грани краха» (перевод наш). Успех здесь полностью отделён от результата и существует как роль: оказавшись вне стен гостиницы, герой держится развязно и разыгрывает перед собой и другими первого человека города. Если воспользоваться

Western European Journal of Linguistics and Education
Volume 4, Issue 11, November 2026
https://westerneuropeanstudies.com/index.php/2
ISSN (E): 2942-190X Open Access| Peer Reviewed
This article/work is licensed under CC Attribution-Non-Commercial 4.0

историей американской идеологии успеха, предложенной Дж. Кавелти [2], перед нами её поздняя стадия, от которой осталась лишь поза. Иронический комментарий к этой модели дан голосом жены. Обращаясь к сыну, Элизабет Уиллард повторяет мысли мужа как чужое слово: “You will go to the city and make money, eh? It will be better for you, you think, to be a business man, to be brisk and smart and alive?” [6] – «Ты поедешь в город и будешь зарабатывать деньги, да? Тебе кажется, что лучше быть деловым человеком – расторопным, ловким и живым?» (перевод наш). Триада “brisk and smart and alive” воспроизводит словарь делового идеала, но в интонации вопроса он становится пародией.

В новелле «Смерть» денежный мотив принимает ещё одну форму – невоплощённой возможности. Умирающий отец Элизабет, сам не сумевший сделать гостиницу доходной, передаёт ей восемьсот долларов и говорит: “Some time it may prove to be a door, a great open door to you” [6] – «Когда-нибудь это может стать для тебя дверью, широко открытой дверью» (перевод наш). Это единственный случай в рассматриваемом материале, когда деньги связаны не с приобретением, а со свободой. Однако дверь так и не открывается: Элизабет прячет деньги в стене, и в финале рассказчик сообщает, что они по-прежнему лежат “in the tin box behind the plaster by the foot of his mother’s bed” [6] – «в жестяной коробке за штукатуркой у изножья материнской кровати» (перевод наш). Образ замурованных денег – точная пространственная метафора: возможность, которая хранится, но не тратится, равна возможности упущенной. Финальная позиция этого эпизода подчёркивает, что денежный мотив у Андерсона нередко завершает новеллу, фиксируя итог судьбы.

Наконец, в новелле «Человек идей» появляется фигура, принадлежащая уже новой экономической эпохе. Джо Уэллинг – агент компании «Стандард ойл», который собирает счета и принимает заказы в Уайнсбурге и соседних городках. В служебной роли он предстаёт “silent, excessively polite, intent upon his business” [6] – «молчаливым, чрезмерно вежливым, поглощённым своим делом» (перевод наш), но время от времени взрывается потоком идей, которым никто не находит применения. Сам герой проводит черту между доходом и призванием: “Of course I make more money with the Standard Oil Company” [6] – «Конечно, в “Стандард ойл” я зарабатываю больше» (перевод наш). Служащий корпорации у Андерсона уже не владеет ни землёй, ни лавкой; деньги он получает за функцию, а его творческая энергия существует отдельно от неё. Распад личности на исполнительного агента и одержимого фантазёра наглядно показывает, что «инкорпорация» затрагивает и внутренний мир человека [3].

Сопоставление образов позволяет говорить о системе. Четыре разновидности типа – патриарх-накопитель, лавочник, имитатор успеха, служащий корпорации – выстраиваются в историческую последовательность: земля, торговля, сфера услуг и политических амбиций, корпоративная служба. Одновременно меняется функция денег: у Джесси Бентли они служат знаком избранности, у Эбенизера Коули – источником страха, у Тома Уилларда – маской статуса, у Элизабет Уиллард – замурованной возможностью, у Джо Уэллинга – платой за функцию, отделённую от личности. Существенно и композиционное наблюдение: эпизоды с деньгами занимают в новеллах ключевые позиции. В «Ужасе» прибыль непосредственно предшествует кульминации, в «Чудаке» сцена с коммивояжёром запускает всю цепь событий, а

Western European Journal of Linguistics and Education
Volume 4, Issue 11, November 2026
https://westerneuropeanstudies.com/index.php/2
ISSN (E): 2942-190X Open Access| Peer Reviewed
This article/work is licensed under CC Attribution-Non-Commercial 4.0

возврат украденных денег сопровождает развязку, в «Смерти» сообщение о спрятанных долларах завершает текст. Важно и то, чего Андерсон не делает: в цикле почти нет богачей и нет обличения капиталиста как социальной маски. Трагизм его деловых людей заключается в несовпадении экономической роли с внутренней жизнью, и именно поэтому денежный мотив оказывается одной из форм той разобщённости, которая организует книгу в целом.

Заключение: Проведённый анализ показывает, что тип бизнесмена в «Уайнсбурге, Огайо» представлен не единичным образом, а рядом взаимосвязанных вариантов, отражающих смену форм хозяйственной жизни Среднего Запада после Гражданской войны. Линия Джесси Бентли демонстрирует, как религиозная санкция приобретения, описанная М. Вебером, сначала усиливает стремление к собственности, а затем вытесняется спекулятивной логикой и возвращается в виде фанатизма. Образы Эбенизера Коули и Тома Уилларда фиксируют поздние, кризисные формы идеологии успеха: неспособность действовать в рыночной ситуации и подмену результата ролью. Фигура Джо Уэллинга указывает на появление служащего корпорации, чья работа отделена от его личности. Денежный мотив выполняет в новеллах композиционную функцию, совпадая с кульминацией или развязкой, и получает разные значения – знака, страха, маски, нереализованной возможности. Перспективным представляется сопоставление выделенной типологии с романом «Бедный белый» (1920), где тема индустриализации получает развёрнутое сюжетное воплощение.

Список использованной литературы:

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: Директ-Медиа, 2011. – 178 с.
2. Cawelti J.G. Apostles of the Self-Made Man. – Chicago: University of Chicago Press, 1965. – XIV, 279 p.
3. Trachtenberg A. The Incorporation of America: Culture and Society in the Gilded Age. – New York: Hill and Wang, 1982. – VIII, 261 p.
4. Howe I. Sherwood Anderson. – Stanford: Stanford University Press, 1966. – XV, 271 p.
5. Пинаев С.М. «Психологический флюс» и трагедия отчуждения в творчестве Шервуда Андерсона // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2013. – № 4. – С. 29–37.
6. Anderson S. Winesburg, Ohio: A Group of Tales of Ohio Small Town Life. – New York: B.W. Huebsch, 1919. – 303 p.